

«Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)», материал собрали и словарь составили: Г. А. Барينو́ва, Т. С. Кого́ткова, Е. А. Некрасова, И. А. Оссо́вецкий, В. Б. Си́лина, К. П. Смо́лина, под ред. И. А. Оссо́вецкого. — М., изд-во «Наука», 1969. 642 стр.

Вышел в свет подготовленный группой диалектологов Института русского языка АН СССР словарь одного из южнорусских народных говоров¹. Объектом лексикографической обработки в словаре явилась современная лексика говора д. Деулино Рязанской области со всеми ее специфическими особенностями. Сведения о лексическом составе говора до сих пор почти полностью отсутствовали в русском языкознании.

Лексический состав южнорусских говоров менее выявлен сравнительно с севернорусскими. Значительная часть диалектных слов и значений, получивших отражение в деулинском словаре, или отсутствует в картотеке Словаря русских народных говоров, или представлена в ней, но по другим говорам. Уже одно это делает словарь д. Деулино чрезвычайно важным источником изучения диалектной лексики. То обстоятельство, что материал для Словаря собран группой опытных диалектологов от значительного числа информантов, обеспечило надежность, достоверность и полноту фиксации словарного состава диалекта.

Тип словаря народных говоров в свое время вызвал горячие споры и дискуссии, в ходе которых было высказано немало различных точек зрения. Эти споры не привели к примирению сторон, но они способствовали углублению представления о задачах и методах лексикографической обработки диалектной лексики, выявлению новых типов диалектных словарей¹.

В шестом выпуске «Лексикографического сборника» (М., 1963) приведен список диалектных словарей, вышедших за рубежом в 1957—1958 гг. (из числа тех, которые поступили в московские библиотеки). Этот перечень иллюстрирует многообразие типов словарей, различные цели и задач, решаемых в них, многоплановость

лексикографической обработки материала².

Представляется, что принципиально неверно требовать составления областных словарей отдельных территорий или отдельных говоров на основе одних установок, по одному образцу. Это было бы сознательным обеднением задач и возможностей диалектной лексикографии. Работа над диалектными дифференциальными словарями отнюдь не исключает возможности и надобности подготовки словарей других типов.

Чрезвычайно важно во многих отношениях было бы подготовить полный словарь одного говора, содержащий в себе характеристику всех слов, образующих словарный состав его. Создание такого словаря способствовало бы более точному и полному решению вопроса о соотношении диалектного и литературного (общенародного) в данном языке и в данном говоре; такой словарь был бы неоценимым источником для решения целого ряда лексикологических и общезыковых проблем.

Однако для этого необходимо учесть все богатство лексических средств диалекта, что исключительно трудно. Фиксацией одних только наиболее употребительных и активных слов лексики ограничиться нельзя, ибо на характер системных отношений в значительной мере влияют и малоупотребительные, устаревшие или только входящие в диалект слова. Необходим учет всех основных слов диалекта, составляющих костяк его словарного состава. Иными словами, полный словарь диалекта должен быть действительно полным словарем, если составители его стремятся отразить системные связи и отношения в лексике диалекта.

Дело это чрезвычайно трудное в первую очередь по практическим соображениям; еще никому не удавалось зафиксировать словарный запас диалекта во всем его объеме. Не случайно все диалектные словари на материале русских народных говоров построены по дифференциальному принципу³.

² См. аннотированный библиографический список иностранных словарей 1957—1958 гг. издания, полученных крупнейшими библиотеками Москвы, в «Лексикографическом сборнике», 6, М., 1963.

³ Попытка создать полный словарь псковских говоров не может считаться удачной из-за отсутствия в словаре значительной части словарного состава диалекта. См. об этом: В. И. Максимо́в,

¹ См.: Б. А. Ла́рин, Инструкция «Псковского областного словаря», Л., 1961; Ф. П. Фи́лиц, Проект «Словаря русских народных говоров», М.—Л., 1961; е́го же, Некоторые проблемы диалектной лексикографии, ИАН ОЛЯ, 1966, 1; И. А. Оссо́вецкий, О составлении региональных словарей, ВЯ, 1961, 4; Ф. П. Со́роко́летов, О теоретических установках одного областного словаря, сб. «Современная русская лексикология», М., 1966; Л. А. Ива́шко, О. С. Мже́льская, Общерусский лексический фонд в словарном составе диалекта, Вестник ЛГУ, 20, Серия истории, языка и литературы, 4, 1966 и др.

Справедливо считая, что в дифференциальном словаре нарушаются системные связи и отношения лексики говора и что в связи с этим дифференциальный словарь не может быть надежным источником для изучения лексики как системы, коллектив деулинского словаря отвергает дифференциальный принцип в формировании словника как теоретически несостоятельного, но пользуется им практически. «Принцип дифференциальности по отношению к литературному языку в диалектном словаре нужно интерпретировать лишь как сугубо практический прием отведения от словаря всех тех слов, в которых собирателям по разным причинам не удалось подметить и зафиксировать их объективное диалектное качество в значении, или в грамматике, или в стилистической окраске» (Введение, стр. 11).

Таким образом, деулинский словарь — это дифференциальный словарь с большим количеством отступлений от принципа дифференциации. Так, слова, отличающиеся от литературных одним из своих значений, вводятся в словарь со всей совокупностью значений; в словаре получают место также слова, отличающиеся от литературных эквивалентов только устойчивыми сочетаниями при полном совпадении системы значений. В словарь включено немало слов, вообще ничем не отличающихся от литературных. В этом сказалась убежденность авторов в том, что все слова диалекта в каком-либо отношении противопоставлены лексике литературного языка и обладают соответствующими дифференциальными признаками⁴.

Читателю между тем неясно, какими дифференциальными признаками в отличие от литературных обладают слова: *копна* «укладка сена в виде конуса», а также «примерное количество сена, входящее в такую укладку», *копенка*, *коленочка*, *корь* «болезнь корь», *краснобайка*, *назлабаться*, *насажаться*, *морда*, *молодка*, *беодокур*, *бедно*, *бе́рдо*, *богатый*, *бугор*, *бугорок*, *бугорчик*, *бузить*, *бузотер*, *булка*, *житьё* и др.

Много места занимают материалы, иллюстрирующие литературные значения тех слов, которые включены в словарь потому, что они имеют одно или несколько диалектных значений. См. в этом отношении словарные статьи на слова *корень*, *коренной*, *короткий*, *край*, *поглядеть*, *объесть*, *шуметь*, *через*, *сечь* и т. п. Это делается для того, чтобы полнее и отчет-

ливее выявить и показать семантическую структуру вводимых в словарь слов. Но делается это, по-видимому, непоследовательно, не во всех случаях.

Так, при слове *пожарник* указан только одно значение «погорелец»; следовательно, слово в говоре не имеет литературного значения «пожарник»? В словаре есть *коноводка*, но нет *коновод*. В словах *младенец* и *молоденец* отмечено только значение «эпилепсия, припадки». При наличии *конопатка* «веслушка» отсутствует *конопатый* и т. д. и т. п. Чтобы ставить и изучать вопросы функционирования лексики деулинского диалекта как определенной цельной системы, исследователь должен знать, чем объясняется отсутствие в словаре такого рода фактов: отсутствием их в говоре или случайным пропуском собирателей.

Исследователю будет мешать и отсутствие в словаре сведений о наличии синонимических обозначений тех или иных явлений в говоре.

Все это в значительной степени снижает ценность той части материала словаря, которая представляет литературные (общие для говора и литературного языка) слова и значения.

Дифференциальный принцип отбора лексики для словаря (хотя и в расширительном понимании) обусловил и характер лексикографической интерпретации словарного состава диалекта. Составители, опираясь на опыт диалектной и литературной русской лексикографии, нашли рациональные, отвечающие характеру лексического материала, способы и приемы разработки слов в словаре. Слова, получившие место в словаре, приводятся в орфографической записи, а словарная статья включает грамматическую и стилистическую характеристику, толкование значения (оттенка), цитаты, иллюстрирующие значение и особенности употребления, толкования фразеологически связанных значений слов и цитаты, иллюстрирующие эти значения.

Лексика говора д. Деулино авторами словаря рассматривается в сопоставлении с лексикой литературного языка. Это дало возможность при семантической характеристике слов ориентироваться на известную каждому носителю русского литературного языка лексико-семантическую систему. Отсюда — смешанный тип толкования слов: перевод средствами литературного языка (литературные эквиваленты диалектных слов) и толкование слов и их значений в тех случаях, когда в литературном языке отсутствует соответствующее слово и понятие. Такой способ описания семантической структуры диалектных слов в словаре современного говора русского языка следует признать наиболее целесообразным и разумным.

Общезвестно, что разработка семантической структуры слова является одной из важнейших проблем лексикографии;

Ф. П. Сороколетов, Псковский областной словарь, ИАН ОЛЯ, 1968, 2.

⁴ Это положение выдвигается рядом диалектологов как бесспорное. См., например: И. А. Оссовецкий, «Словарь говора деревни Деулино Рязанского р-на Рязанской области», в кн. «Вопросы диалектологии восточнославянских языков», М., 1964; Л. А. Ивашко, О. С. Мжельская, указ. соч.

разграничение значений и употреблений, значений и оттенков значения, выделение различных типов значения слова и их характеристика, установление синонимических отношений и показ их в словаре и многое другое — все это во многом определяет тип и характер словаря. Вместе с тем это, пожалуй, самая трудная и сложная часть лексикографической работы. Справедливо замечание о том, что «диалектный языковой материал, столь же трудный для лексикографической интерпретации, как и языковой материал литературного языка, кроме того, обладает своими специфическими особенностями, которые усложняют и без того нелегкий процесс составления полноценной словарной статьи диалектного словаря» (Введение, стр. 25).

Составителям словаря удалось избежать нередко встречающийся в областных словарях последний времени способ толкования значений слова с позиций носителя не диалекта, а литературного языка, т. е. с позиций самих составителей. Ср., например, определение первого значения существительного *время* в «Пермском словаре»: «Всеобъемлющий, необратимый процесс, в котором протекают все другие процессы бытия, прослеживающийся, в частности, в последовательной смене регулярно чередующихся явлений природы (дня и ночи, лета и зимы и т. п.)»⁵.

Таких случаев в деулинском словаре нет. Но он грешит другим недостатком семантической разработки слова — нечетким разграничением таких категорий, как значение слова, оттенок, употребление — единичное, частное применение слова в речи.

Конечно, разграничение значения слова по оттенку значения и представляет большую трудность и на материале литературной лексики, ибо в лексикологии нет отчетливо выработанных критериев, позволяющих безошибочно разграничивать эти понятия. Вместе с тем в большинстве случаев значение и оттенок легко различаются. Не вдаваясь в теорию вопроса, укажем лишь на случаи бесспорного смешения значения и оттенков, значения и употребления слова в деулинском словаре.

Так, в статье на слово *каток* под значением «кусок какого-либо вещества в виде шарика» даны «оттенки»: перен. «о шарообразной опухоли», «плодовая завязь у некоторых растений, имеющая форму шарика», и «круглый деревянный чурбачок, который подкладывают под ухват, чтобы легче было вытаскивать чугуны из печи». Очевидно, что второй и особенно третий «оттенки» представляют собой самостоятельные значения. Каток для вытаскивания чугунов из печи является терминологическим обозначением пред-

мета, функционально и по внешнему виду четко отграниченного от «чего-либо в виде шарика».

В глаголе *жалковать* «жалеть, сожалеть» последний «оттенок» — «проявлять беспокойство, озабоченность в связи с чем-либо» — надо было бы выделить особым, самостоятельным значением. В слове *кожа* под значением «наружный покров тела человека, животного; выделанная шкура животного» даются как «оттенки» «кожура, оболочка плода, клубня» и «кора (у деревьев, кустарников)». Это слово, в общем совпадающее в семантическом плане с литературным *кожа* (если его и поместили в диалектный словарь), должно было бы быть разработано так, как это сделано в пятом томе «Словаря современного русского литературного языка». Под значением «деревянный или железный ковш» в слове *корец* дается оттенок «кастрюля с одной ручкой». Новое функциональное назначение реалии — кастрюли — не дает возможности упрятывать последнюю под значение «ковш». Такие случаи, к сожалению, не единичны, и они не могут быть объяснены особенностями функционирования слова в диалектной речи.

С другой стороны, можно отметить случаи, когда в слове выделяются несуществующие значения. В прилагательном *желтый* под литературным значением «желтый» выделяется в качестве оттенка «хорошо промытый, чистый (о окрашенных деревянных полах, лавках и т. п.)». Это подкрепляется примерами. *У ней избя́ - та была́ желтайя - прижобтайя, фс'а вымытайя, ч'иста — хол'найя. Уш ч'иш'иш' М'ин'уш'иных нет. Жалток желтайя, мост-тэ был. Мамэ, х'рашб?* [вымыла пол] — *О-о, желтый!* Из цитат видно, что прилагательное *желтый* обозначает в них «желтый (желтоватый) цвет», какой обычно имеет хорошо вымытая доска (ср. *жалток желтайя*). И ничего более!

В существительном *роса* выделяются значения: 1) «роса», 2) «о мере времени для отдельных производственных процессов в сельском хозяйстве, связанных с увлажнением чего-либо на росе (заготовка сена, обработка льна и т. п.)». Обращает на себя внимание сложность и неточность толкования и необоснованность выделения последнего употребления в качестве самостоятельного значения. Цитаты под этим значением: *Ч'аб үр'аб'л'й а двух рос? Н'икад'а а двух рос к'и үр'аб'т'* и др. свидетельствуют о том, что *роса* в них употреблено в своем исходном значении.

Есть случаи неразграничения явных омонимов. Так, под одним словом *грозыный* разработаны «значения» 1) внушающий страх (*грэбнай мужык*) и 2) грозовой (*түч'а үрбэньйэ*). Наряду с этим можно указать на неоправданное разделение подсемантического слова на омонимы.

⁵ «Живое слово в русской речи Прикамья», 1, Пермь, 1969, стр. 46.

Так, *валух* «кастрированный бык» и «медлительном человека» вряд ли целесообразно было делить на омонимы.

Цитаты, иллюстрирующие значения слова, показывающие особенности его функционирования в живой народной речи, пожалуй, являются одним из самых значительных достоинств рассматриваемого словаря. Прежде всего надо отметить богатство цитатного материала — в словаре нет ни одного слова, не обеспеченного оправдательным примером на употребление его в речи, многие слова проиллюстрированы несколькими цитатами; при этом большинство цитат не просто подтверждает существование слова в говоре, но раскрывает особенности и условия его функционирования в живой речи — это лучший способ цитирования (ср. например, в этом отношении слова *кобел*, *кисель*, *качка*, *извековать*, *вбежки*, *желанный* и мн. др.). Особенно ценны иллюстрации при устойчивых сочетаниях (идиомах), приводимых в составе словарной статьи под значком \diamond .

Можно даже отметить некоторое излишество в цитировании. Некоторые цитаты типологически, конструктивно однородны (тождественны) и по существу повторяют друг друга. Ср., например, словарные статьи на *жадобный*, *жалеть*, *жрать*, *конец*, *перевесна*, *ренка* и др. Иногда цитаты так пространны и включают в себя такое количество сведений, что читатель не в силах определить, что призвана подтвердить цитата. Ср. в этом отношении цитату на второе значение прилагательного *печальный* «траурный» (о цвете): *Ч'орнай — вот с'вет п'ач'б'ал'най* (— А белый?) — *Б'елай — ета б'елай, ну тожа, н'а б'и'и' п'ач'б'ал'най... Т'обе п'ач'б'ал'най.* (А серый?) — *С'ерай н'а так што п'ач'б'ал'най.* *С'ерай м'ожна нас'ит' и па-ч'орнаму и па-краснаму... и ч'ор'а — нас'ит' ф'с'о м'ожна, и р'дас'т' — ф'с'о м'ожна нас'ит' (2).* А далее — вовсе непонятное: *Ан' п'ач'б'ал'найа пл'т'я, с'и'н'ийа... а ф'с'о рав'б па-краснаму н'с'у.* К счастью, такие случаи немногочисленны.

Непосредственные наблюдения над речью носителей говора в сравнительно короткий срок дали возможность составителям словаря проследить стилистическую дифференциацию лексического материала. Стилистические пометы, применяемые в словаре, призваны выделить сравнительно небольшой круг так или иначе маркированной лексики диалекта на фоне основной (стилистически нейтрального) пласта лексики. Сам набор помет, относимых составителями к стилистическим, — *малоупотр.*, *устар.*, *нов.*, *ласкат.*, *уменьш.-ласкат.*, *неодобрит.*, *груб.*, *бран.*, *экспрес.*, свидетельствует о неоднородности стилистических квалификаций и о неширокой палитре стилистических «азграничений».

Нельзя считать стилистической в полном смысле слова помету *нов.*, так как она указывает только на временной фактор в функционировании слова. Известно, что новые слова могут относиться к различным стилистическим пластам лексики. Одни из них сразу становятся общеупотребительными и широко распространенными словами, другие в течение какого-то времени принадлежат к словам стилистически ограниченным, нередко так и не входя в широкое употребление. Помета *малоупотр.* также не является сугубо стилистической, так как она квалифицирует слово только с точки зрения частоты употребления. Иногда это связано не с языковыми причинами, а является следствием неширокой распространенности предмета или явления, которые обозначаются данным словом. Так, *казачок* «старинная верхняя женская одежда обычно из сукна или на вате» имеет помету *малоупотр.* Из цитат и из толкования видно, что такой вид одежды в настоящее время не носят, но память о нем еще сохранилась. Отсюда малая употребительность слова *казачок*. Но в описаниях старинной одежды *казачок* употребляется совершенно свободно, не получая никаких эмоционально-экспрессивных нагрузок. В литературном языке таким словам соответствуют «историзмы».

Можно указать на случаи ошибочного или по крайней мере спорного восстановления исходной формы слова. Так, принятая во многих источниках форма слова *калган* «деревянная миска» в словаре передается через *коган*. Это слово и по другим говорам известно именно в форме *калган*⁶. Видимо, *конец* «конец» должно возвести к *капец* от *капут*. Непонятно, почему *пьяней* считается сравнительной степенью по качественному значению существительного *пьянь*, если естественно связать его с прилагательным *пьяный*.

Все такого рода неточности и ошибки в словаре почти неизбежны, и мы отмечаем их, исходя из требований идеального характера.

Значительно более серьезные возражения вызывают некоторые теоретические соображения составителей словаря, высказанные ими во введении.

Название словаря — «Словарь современного русского народного говора», — не случайно, оно отражает взгляды составителей на соотношение говора д. Деулино с другими южнорусскими говорами и с литературным языком. «Составление словаря одного говора, — пишет И. А. Оссовецкий, — прежде всего нужно рассматривать не как показ лексики говора именно данного населенного пункта, а как реализацию потенциальной возможности на языковом материале одного

⁶ Ср. также: М. Ф а с м е р, Этимологический словарь русского языка, II, М., 1967.

говора показать диалектную лексику, типичную для данной диалектной зоны» (Введение, стр. 5). Типичность лексики говора д. Деулино для южнорусской диалектной зоны выводится из относительной близости всех южнорусских говоров в фонетико-морфологическом отношении. Однако общеизвестно, что прямой связи между лексическими особенностями говоров и их фонетико-морфологической системой нет.

Хорошо знакомый мне говор д. Выворотково Курской области, который также, как и говор д. Деулино, может быть отнесен по фонетико-морфологической характеристике к типичным южнорусским говорам, никак не может служить подтверждением мнения о том, что словарь д. Деулино может рассматриваться с известным основанием как словарь всего южновеликорусского наречия и что лексика говора д. Деулино, во всем своем объеме противостоящая лексике литературного языка, обнаруживает значительно меньшие расхождения с лексикой других говоров южного наречия.

Так, из общего числа 365 слов на букву «б» 200 слов в говоре д. Выворотково не обнаруживается. Две трети слов, таким образом, в двух диалектах не совпадают. Примерно такое же соотношение и по другим частям словаря. Показательно и то, что совпадают лексические составы двух говоров именно в той части, которая является общей для говоров и литературного языка.

В курско-орловском словаре С. М. Кардашевского на букву «в» насчитывается 191 слово (словарь этот строго дифференциальный), в деулинском словаре — 239 слов. Из 191 слова, представленных в

словаре С. М. Кардашевского, 143 в деулинском отсутствуют; 206 слов деулинского словаря нет у Кардашевского и лишь 23 слова, т. е. 10%, являются общими для этих двух словарей.

Такие сопоставления можно продолжить, но они не изменят картины. Сопоставление данных словаря д. Деулино с лексикой других южнорусских говоров показывает, что нет никаких оснований говорить о том, что словарь д. Деулино может рассматриваться «с известным основанием» — как словарь южнорусского наречия» (Введение, стр. 6). Рассматриваемый словарь, таким образом, должен быть признан словарем одного говора, — говора д. Деулино.

Не подтверждается и второе положение, выдвинутое в теоретическом Введении к деулинскому словарю — положение о значительно большей противопоставленности лексики говоров литературному словарю при незначительных различиях лексических составов говоров.

Впрочем эти теоретические установки не отразились на составе словаря. Словарь представляет достаточно объективную картину состояния лексики современного народного говора — говора д. Деулино в той ее части, которая противопоставлена словарному составу литературного языка. Эта лексика хорошо и всесторонне лексикографически интерпретирована. Исследователи диалектной лексики современных говоров с выходом в свет «Словаря современного русского народного говора» получили в свое распоряжение материал первоклассный и чрезвычайно много говорящий.

Ф. П. Сороколетов

«Словарь таджикского языка (X—начало XX века)», под ред. М. Ш. Шукурова, В. А. Капранова, Р. Хашима, Н. А. Масуми. — М., изд-во «Советская энциклопедия», Т. I—A—O, 1969, 952 стр., т. II—П—Ч, 1969, 952 стр. (на тадж. яз.).

До недавнего времени чтение произведений таджикской классической литературы X—XIX вв. вызывало серьезные затруднения из-за большого количества непонятных в настоящее время слов и выражений. Поэтому давно назрела необходимость в толковом словаре языка этого периода, и читатели с нетерпением ждали появления подобного издания.

Таджикская и персидская лексикография имеет давнюю богатую традицию создания толковых словарей. По подсчетам известного иранского писателя и филолога Саида Нафиси, за период X—XIX вв. было всего составлено и распространено в рукописном, а позднее — в печатном (литографированном) виде более двухсот словарей. Наиболее известные из них «Лузати фурс» Асади Туси (XI в.),

«Фарханги Ҷаҳонگیرӣ» Хусайна Инджу (XVII в.), «Ғиёс-ул-луғот» Мухаммада Ғиёсиддина (XIX в.) и др. Все они, естественно, представляют собой большую редкость, встречаясь лишь в единичных экземплярах в отдельных библиотеках и частных собраниях. К тому же эти словари различны и по объему, и по уровню обработки материала. Этим и была вызвана необходимость пересмотра этих словарей и составление нового, наиболее полного научного толкового словаря таджикского языка, рассчитанного на современного читателя.

За составление подобного словаря в советское время взялся коллектив ИИЯЛ Тадж. ФАН СССР под руководством основоположника таджикской советской ли-